

Вопросы теории

ПРИНЦИП САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (современная интерпретация)

С.В.Черниченко *

Принцип самоопределения народов нередко отождествлялся с правом наций на образование собственного государства (или с правом на собственную государственность), то есть на отделение от государства, в пределах которого данная нация (или большая ее часть) проживает. В качестве примера можно привести известную фразу В.И. Ленина из его работы "О праве наций на самоопределение", которую неоднократно цитировали: "...Под правом на самоопределение наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется, образование самостоятельного национального государства"¹. Действительно, в тот период, когда была написана эта работа, такая интерпретация права на самоопределение была особенно актуальной. Однако с течением времени стало выкристаллизовываться гораздо более широкое понимание права на самоопределение. Начало этому положило провозглашение принципа самоопределения народов в Уставе ООН. Некоторое время в западной доктрине после принятия Устава высказывались сомнения по поводу того, что данный принцип является правовым. Но интенсивный процесс деколонизации в конце 50 — начале 60-х годов и принятие 14 декабря 1960 г. Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам положили конец таким сомнениям. Она стала рассматриваться как официальное толкование ООН содержания принципа самоопределения народов. Более полно его содержание было раскрыто в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, от 24 октября 1970 г. (в той части, которая относилась к указанному принципу). И если Декларация 1960 года была принята 90 голосами при 9 воздержавшихся (в основном западные страны), то Декларация 1970 года

* Профессор, доктор юридических наук. Подробнее об авторе см. № 3 нашего журнала за 1992 год.

была принята без голосования. К этому времени, таким образом, никто уже не оспаривал того, что принцип самоопределения народов, закреплённый в Уставе ООН, является одним из основных принципов современного международного права.

В отечественной юридической литературе после создания СССР всегда подчеркивалось, что реализация права на самоопределение не обязательно означает отделение, а может выражаться в получении какого-либо статуса в рамках многонационального государства (субъекта федерации, автономного образования в пределах унитарного государства). Эта точка зрения созвучна положению Декларации 1960 года, согласно которому все народы имеют право на самоопределение и в силу этого свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие. Вместе с тем в 60-е, 70-е и даже 80-е годы (в первой половине) большая часть членов международного сообщества, состоящая преимущественно из участников Движения неприсоединения, ориентировалась на процесс деколонизации и акцентировала внимание на получении независимости при реализации права на самоопределение. В 70-е годы в документах Движения неприсоединения все чаще появляется осуждение неокOLONиализма как препятствия на пути достижения молодыми, формально же независимыми государствами, народы которых, казалось бы, осуществили свое право на самоопределение, реальной независимости. В условиях конфронтации Восток — Запад толкование принципа самоопределения народов было предельно политизировано. СССР и его союзники активно поддерживали антизападную направленность этого толкования. Следует отметить, что в отечественной доктрине того периода особого внимания на различие между народом и нацией не обращалось. Создается впечатление, что эти термины нередко употреблялись как синонимы. Например, Р.А. Тузмухамедов в своей работе “Национальный суверенитет” в одних случаях говорит о праве народов и наций на самоопределение, в других — о праве всех народов на самоопределение, в третьих — о суверенности нации и вытекающем отсюда ее праве на самоопределение².

Не останавливаясь на всех зигзагах эволюции взглядов на принцип самоопределения, так как это не входит в нашу задачу, можно констатировать, что его содержание, если исходить из анализа документов и доктрины, к концу 70-х годов включало в себя следующие основные элементы:

- а) все народы и нации имеют право на самоопределение;
- б) все участники международного общения обязаны уважать это право;
- в) оно реализуется путем свободного волеизъявления данного народа или нации;
- г) его реализация исключает какое-либо давление, принуждение или вмешательство извне;

д) оно означает возможность выбора между государственным отделением данного народа или нации и вхождением его (ее) на тех или иных условиях в другое государство, то есть свободный выбор политического статуса;

е) оно означает также возможность выбора формы государства (т.е. формы правления, государственного устройства, политического режима);

ж) оно, наконец, означает возможность выбора социально-экономического строя и путей своего развития.

Естественно, эти элементы взаимосвязаны, и один выбор может предопределять другой. Например, вхождение народа (или нации) в состав какого-либо государства означает и выбор существующего там социально-экономического строя и т.д.

Как показывает практика, самый сложный вопрос — выявление воли народа или нации. Эта воля может выявляться как мирным путем, так и в процессе вооруженной борьбы, причем никаких общих правовых рецептов здесь подобрать невозможно. Даже классический способ выявления воли народа или нации мирным путем — проведение плебисцита (референдума) — не всегда может считаться обеспечивающим подлинную свободу волеизъявления. Право (и внутригосударственное, и международное) может лишь способствовать созданию условий для такого волеизъявления, но глубинные процессы, лежащие в основе самоопределения, протекают в соответствии с закономерностями общественного развития. Право может оказать существенное воздействие на их ход, но не изменить их. С помощью плебисцита можно время от времени решать вопрос о форме правления, государственном устройстве. Вряд ли, однако, какой-либо плебисцит в состоянии решить, каким будет политический режим или, тем более, социально-экономический строй.

Вооруженная борьба как способ волеизъявления в ряде случаев была характерна для процесса деколонизации. Разумеется, считать, что таким путем наилучшим образом осуществляется свободное волеизъявление народа или нации было бы аморальным. Этот путь всегда сопровождался многочисленными жертвами. В вооруженную борьбу нередко вовлекались такие слои населения, которые предпочитали более долгий, но мирный путь достижения независимости. Вместе с тем реализация права на самоопределение вооруженным путем не противоречит принципу самоопределения. Если нет иной возможности, такой путь правомерен. Неправомерной является попытка вооруженным путем воспрепятствовать реализации права на самоопределение. В Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам указывается: «...Любые военные действия или репрессивные меры какого бы то ни было характера, направленные против зависимых народов, должны быть прекращены, с тем чтобы предоставить им возможность

осуществить в условиях мира и свободы свое право на полную независимость”³. В ст. 19 проекта статей об ответственности государств, одобренных в предварительном порядке Комиссией международного права по докладу профессора Р. Аго, предлагается, среди прочего, следующая формулировка: “...Международные преступления могут, в частности, возникать в результате:

...b) тяжкого нарушения международного обязательства, имеющего основополагающее значение для обеспечения права народов на самоопределение, такого, как обязательство, запрещающее установление или сохранение силой колониального господства...”⁴.

Следовательно, предлагается к международным преступлениям отнести не только применение вооруженной силы, но и вообще какой-либо силы с целью воспрепятствовать реализации права на самоопределение.

Более того, в различных резолюциях органов ООН прямо или косвенно неоднократно подчеркивалось право государств и международного сообщества в целом оказывать помощь народам, ведущим борьбу за свое освобождение. Так, в ст. 7 определения агрессии, одобренного Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1974 г., сказано: “Ничто в настоящем определении... не может каким-либо образом наносить ущерба вытекающему из Устава праву на самоопределение, свободу и независимость народов, которые насильственно лишены этого права., в частности народов, находящихся под господством колониальных и расистских режимов или под другими формами иностранного господства, а также **праву этих народов бороться с этой целью и испрашивать и получать поддержку...**” (выделено мной. — С.Ч.)⁵.

В западной доктрине и практике высказывалось несогласие с тем, что иностранные государства вправе оказывать материальную помощь национально-освободительным движениям. Используемый в определении агрессии термин “поддержка” афро-азиатские и бывшие социалистические государства интерпретировали как подразумевающий и материальную поддержку (например, оружием), тогда как западные страны считали, что она должна ограничиваться моральной и дипломатической поддержкой⁶.

Обращает на себя внимание то, что, когда принимались соответствующие резолюции, принцип самоопределения толковался главным образом в контексте процесса деколонизации, и в самих резолюциях и в дискуссиях, которые вокруг них разворачивались, речь шла практически о народах, находящихся под колониальным или иными формами иностранного господства, и об оказании помощи именно данным народам. В этом контексте затрагивался и вопрос о праве на вооруженную борьбу с целью реализации права на самоопределение.

В западной доктрине отмечалось, что, хотя Декларация 1960 года говорит о том, что все народы имеют право на самоопределение, органы ООН проявляли весьма мало озабоченности по поводу самоопределения каких-либо территорий, кроме несамостоятельных, подопечных и мандатных. Единственными "неколонизальными" народами, чье право на самоопределение недвусмысленно признала Генеральная Ассамблея ООН, были арабский народ Палестины и народ ЮАР (имелось в виду большинство населения, страдавшее от режима апартеида)⁷.

К концу 80 — началу 90-х годов стало высказываться мнение, согласно которому государственное отделение не является той формой самоопределения, которая при реализации права на самоопределение играет основную роль. Указанное мнение никем особенно не оспаривалось (на межгосударственном уровне), поскольку к этому времени процесс деколонизации в принципе завершился. Ю.А. Решетов, явно симпатизируя точке зрения М. Кампельмана (США), считающего, что право на отделение не является правом по международному праву, хотя может быть частью конституционной процедуры, называет сведение права на самоопределение к праву на отделение экстремистской интерпретацией этого права⁸.

Нельзя согласиться с категорическим отрицанием того, что право на самоопределение включает в себя право на отделение. Однако право на отделение далеко не всегда является обязательным компонентом права на самоопределение. Иными словами, право на самоопределение может включать в себя право на отделение только при наличии определенных условий. Но и в этом случае отделение не обязательно будет осуществлено: субъект самоопределения может свободно выбрать другую форму реализации самоопределения.

В ряде ситуаций свобода волеизъявления не охватывает выбор отделения. В этом смысле действительно неизменным элементом содержания права на самоопределение в широком понимании право на отделение не является, то есть не является "правом по международному праву".

Между прочим, в советской юридической литературе постоянно подчеркивалось, что право на самоопределение нельзя отождествлять с правом на отделение, которое рассматривалось как одна из конституционных гарантий осуществления права на самоопределение народами союзных республик, входящих в состав СССР. В постсталинский период, в середине 60-х годов, советскими авторами в осторожной форме ставился вопрос о праве наций, государственной формой которых в рамках некоторых союзных республик была автономия различных уровней, на "пересамопределение" вплоть до получения статуса союзной республики и вытекающего из этого права на отделение. Разумеется, такая постановка вопроса

в тот период носила чисто теоретический характер. Строгая централизация, царившая в СССР, которая превращала советскую федерацию и автономные образования в явления формальные, исключала попытки хоть в какой бы то ни было степени подойти к данному вопросу практически. Но сам вопрос о праве на "пересамопределение" ставился правильно.

Условия жизни народа или нации могут меняться, и изменение таких условий может побудить к пересмотру сделанного ими в прошлом выбора относительно формы своего государственного существования, вида политического режима, социально-экономического развития. Пересмотр должен осуществляться на основе свободного волеизъявления, поскольку речь идет о самоопределении. Формы волеизъявления могут быть различными, включая и вооруженный путь (т.е. внеплановый с точки зрения внутригосударственного права заинтересованной страны). Выбор другого политического режима или социально-экономического строя не обязательно связан с выбором формы государственного существования. Он может осуществляться в рамках одного и того же государства как субъекта международного права. Чаше всего он осуществляется неконституционным путем, хотя и не всегда сопровождается открытым насилием. Иногда такой выбор называют реализацией права на революцию. Сомнительно, чтобы в юридическом смысле это право существовало. Революции происходят не в порядке реализации права на них, а в результате особенностей исторического развития того или иного общества. Можно, конечно, представить себе революцию, происходящую в рамках конституции. Но в любом случае революция происходит не потому, что право на нее записано в каком-либо внутригосударственном или международном акте и кто-то решил воспользоваться этим правом. Она происходит независимо от этого, то есть тогда, когда в обществе сложились соответствующие условия. Вместе с тем подлинные революции (а не дворцовые перевороты и тому подобные "верхушечные" неконституционные смены власти), то есть происходящие достаточно быстро социальные перемены, затрагивающие более или менее глубинные пласты общественной жизни, находясь в русле права на самоопределение в том смысле, что такое "социальное самоопределение" не может быть запрещено какими-либо внутригосударственными правовыми средствами, если движение в этом направлении набирает определенную силу.

Что касается права на самоопределение как принципа международного права, то оно исходит из возможности соответствующего социального выбора. Имеет важное значение вопрос о поддержке извне, если народ или нация осуществляют вооруженным путем свой социальный выбор. Однако если по вопросу о характере такой поддержки возникали серьезные разногласия между государствами, даже

когда речь шла о борьбе народов колоний за создание собственных государств, то в данном случае, поскольку не возникает вопрос об отделении, проблема становится еще более сложной. Практика показывает, что противоборствующие стороны получают серьезную поддержку от других государств (в том числе и оружием), основанную исключительно на политических симпатиях последних. Учитывая, что нередко, помимо всего прочего, неясно, какая из противоборствующих сторон олицетворяет народ, ориентироваться, очевидно, следует не на право народа испрашивать и получать поддержку, а на недопустимость вмешательства в свободу волеизъявления. В Декларации о принципах международного права 1970 года сказано:

“В силу принципа равноправия и самоопределения народов... все народы имеют право свободно определять **без вмешательства извне** (выделено мной. — С.Ч.) свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие...”⁹.

Выбор формы государственного существования или пересмотр такой формы в гораздо большей степени “поддается” внутригосударственной правовой регламентации, хотя также может осуществляться вооруженным путем. Вооруженный путь, как свидетельствует практика, обычно связан со стремлением отделиться и образовать собственное государство (Эритрея), реже — с желанием войти в состав другого государства (на определенном этапе — Абхазия). Иногда здесь важную роль играет национальный состав населения соответствующей территории. Население, компактно проживающее на определенной территории, составляющее на ней большинство, но являющееся в национальном отношении в данном государстве меньшинством, может стремиться войти в состав другого государства, население которого в основном имеет такие же национальные корни, образует так называемую титульную нацию. Территориальная близость этого другого, “материнского” государства может оказаться очень серьезным фактором, способствующим указанному стремлению. Однако на пути реализации такого стремления стоят, как правило, помимо политических, весомые правовые препятствия. Одно из них заключается в том, что национальное меньшинство, имеющее общие корни с большинством населения другого государства, как таковое вряд ли может претендовать на применимость к нему принципа самоопределения.

Возникают два важных вопроса:

- а) к кому применим принцип самоопределения;
- б) в каких случаях реализация права на самоопределение не должна приводить к отделению?

Ответ на первый вопрос пытались дать много раз. Исчерпывающим он, однако, никогда не был. Споры в этой области продолжа-

ются и в настоящее время. Объяснение следует искать в том, что такие понятия, как “народ” и “нация”, не имеют и не могут иметь четкого правового содержания. Иногда народ понимают в узком смысле, отождествляя его с нацией. Широкое распространение получил термин “этнос”, который время от времени рассматривают как синоним нации, хотя возможно и более широкое его толкование. До сих пор обсуждается вопрос о том, относится ли изучение этносов к сфере естественных или социальных наук. Существует точка зрения, согласно которой этнос — природная общность людей, лишь коррелирующаяся с общественными закономерностями, а также прямо этой точке зрения противоположная, относящая этнос к социальным организмам¹⁰. По-видимому, прав Л.Н. Гумилев, утверждая, что этнос, как и язык, — “явление не социальное, потому что оно характерно для всех формаций”¹¹. Во всяком случае, его нельзя считать синонимом нации. Поскольку принцип самоопределения никогда не считался применимым по отношению к этносам, не имеет смысла углубляться в споры относительно содержания данного понятия.

Проще всего было бы сказать, что принцип самоопределения распространяется и на нации, и на народы. Но трудно дать идеальное определение как нации, так и тем более народа. За точку отсчета можно принять то или иное определение, учитывая, что с изменением общественных условий могут изменяться взгляды на соответствующие явления, и это потребует изменить ранее принятые определения. К тому же, необходимо иметь в виду, что Устав ООН закрепил принцип самоопределения народов, а не наций. В те годы, когда В.И. Ленин написал две свои основные работы по национальному вопросу (1913—1914 гг.), акцент делался на праве **наций** на самоопределение. В этом была своя логика. Он подчеркивал, что “для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка...”¹². С течением времени “государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке”, перестало играть столь важную роль в развитии производства. Однако даже в 60-е годы в отечественной юридической литературе продолжали говорить о праве наций на самоопределение как об одном из основных принципов современного международного права, несмотря на то что в Уставе ООН использовалась другая формулировка — принцип равноправия и самоопределения народов.

В настоящее время не вызывает сомнений то, что право наций на самоопределение и право народов на самоопределение — не одно и то же. Народ и нация могут совпадать в том случае, если мы

имеем дело с многонациональным государством. Тогда действительно можно говорить об осуществлении самоопределения народа или нации как о синонимах. Но идеально многонациональных государств нет. В составе соответствующего народа, практически совпадающего с нацией, всегда можно обнаружить инонациональные "примеси". Просто они иногда настолько незначительны, что ими можно пренебречь. Жизнь показывает, тем не менее, что, как правило, этого делать нельзя.

В современных условиях народ может состоять преимущественно из какой-либо одной нации и небольших других национальных групп. Он может состоять из нескольких наций, в численном отношении не слишком отличающихся одна от другой. Он может также состоять из племен, из различных национальных групп, которые в целом еще не сложились в нацию или нации (это характерно, например, для значительной части Африки). Короче, компоненты народа бывают самыми различными в расовом и национальном отношении. Чтобы данное население можно было рассматривать как народ, необходимо, во-первых, его проживание на общей территории. Географически это не обязательно должно быть единое пространство: территория может представлять собой острова. Во-вторых, необходима экономическая целостность соответствующего населения и связанная с ней его социальная целостность. Другими словами, необходимо, чтобы население было социально организовано, образовывало общество (уровень развития общества значения не имеет). В-третьих, данное население должно иметь определенные элементы общей культуры и сознавать, что они существуют. Это приводит к самоидентификации народа, выражающейся, в частности, в самом названии. Фламандцы и валлоны в Бельгии — две разные нации, но по отношению к остальному миру они пока сознают себя как бельгийцы, то есть как представители бельгийского народа, хотя в Бельгии довольно заметны центробежные тенденции.

Дополнительными факторами, стимулирующими целостность, могут быть расовая или языковая близость, общность религии и т.д. Экономическая целостность, влекущая за собой образование единого народа, может быть привнесена извне. В качестве примера достаточно сослаться на народы ряда стран так называемой Черной Африки, до сих пор делящиеся на племена, экономическая целостность которых первоначально возникла как результат колонизации. Наличие общего государства у разнородного (в языковом, религиозном, национальном отношении) населения может способствовать созданию его экономической целостности и сплочению его населения в единый народ. Но это происходит не всегда. Разъединяющие факторы могут быть сильнее. Факт существования данного государства сам по себе еще не свидетельствует о том, что оно яв-

ляется государством какого-либо народа. Каковы бы ни были причины возникновения государства “без народа”, оно может оказаться непрочным, если составляющие его население группы представляют собой различные нации и народы, особенно в тех случаях, когда они имели в прошлом опыт самостоятельного государственного существования. Процесс консолидации населения и превращения в народ требует времени, и степень консолидированности народа может быть либо высокой, либо незначительной. В последнем случае он может под воздействием тех или иных факторов сравнительно легко распасться, а это может повлечь за собой распад и государства. Даже длительное сосуществование наций или народов друг с другом в рамках одного государства, когда, казалось бы, образовался более или менее целостный народ, не гарантирует от распада. Примером может служить Чехословакия.

Три названных выше критерия народа плюс определенная его устойчивость, обусловленная относительно длительным сроком его существования, — не рецепты на все случаи жизни, а скорее лишь ориентиры. Всегда можно найти примеры, как будто бы укладывающиеся в нарисованную схему, но вместе с тем выходящие за ее рамки. Так, население Тайваня проживает на общей территории, представляет собой социально-экономическое целое, имеет общую культуру и, вдобавок, имеет более или менее однородный национальный состав и говорит на одном языке. Однако считать его народом в нашем понимании нельзя. Оно составляет часть народа Китая. Разумеется, исторически длительное сохранение сходной ситуации могло бы привести к обособлению данного населения в отдельный народ или нацию, как это произошло с австралийцами, новозеландцами, канадцами, но такой результат наступает в связи с особенностями исторического развития и обычно непредсказуем.

Государственное существование народов свойственно всему периоду цивилизации, о праве же на самоопределение как о политическом требовании, а затем и в правовой плоскости заговорили только в конце XIX — начале XX века. Следует еще раз подчеркнуть, что первоначально речь шла о самоопределении наций, а не народов, хотя нации возникли намного позднее народов. Ни в древнем мире, ни в эпоху феодализма о праве народов на самоопределение не имели ни малейшего представления. Даже когда нации уже стали складываться, вопрос о самоопределении не возникал. И лишь когда ряд наций оказался в неравноправном положении в рамках многонациональных государств, а логика экономического развития толкала к формированию национальных государств, встал вопрос о самоопределении наций. Не останавливаясь на всех оттенках толкования и эволюции права наций на самоопределение различными политическими силами, отметим, что необходимо хотя бы

приблизительно выделить основные признаки не только народа (мы это попытались сделать выше), но и нации. По-видимому, ее определение, данное И.В. Сталиным в работе “Марксизм и национальный вопрос”, является достаточно приемлемым: “Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникающая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры”¹³.

Любое определение несовершенно, и это тоже. Возникает, например, вопрос, что такое общность экономической жизни. Она в каком-то виде была и в древних Афинах, когда наций не существовало. Указанный признак нуждается в уточнении. Нации возникают на определенном этапе развития товарного производства, когда возникает устойчивый внутренний рынок, происходит экономическое сплочение территорий, население которых говорит на одном языке, и т.д.

Когда в повестку дня международной жизни встал вопрос о деколонизации, стало более естественным говорить о праве народов, а не наций на самоопределение, поскольку в ряде колоний, где имело место антиколониалистское движение, нации еще не сложились. Первоначально такая замена, вероятно, делалась не вполне осознанно. Но она была вполне логичной и нашла свое отражение в Уставе ООН. В последние годы практика добавила еще один аргумент, оправдывающий использование формулировки “право народов на самоопределение”: самоопределение нации, проживающей на данной территории, не должно осуществляться в ущерб населению, не принадлежащему к титульной нации и интегрированному в общество, сложившееся на данной территории, то есть образуемому вместе с титульной нацией народ. Следовательно, право наций на самоопределение, которое никто не отрицает, должно реализовываться только в контексте права народов на самоопределение, не должно противопоставляться последнему. Но исторически право народов на самоопределение выросло из права наций на самоопределение.

В принципе в современных условиях понятие “народ” (в том значении, о котором говорилось ранее) ориентировано на существование или становление наций и ни в коем случае не должно использоваться для поощрения принудительного смешения наций, ассимиляции. Современное понятие “народ” не равнозначно понятию “нация” в период до возникновения наций (например, франки, галлы). Нация и народ в настоящее время — явления преимущественно социальные. Народ в прежнем его понимании означал, по-видимому, либо племя, либо группу родственных племен, либо этнос, как его понимает Л.Н. Гумилев. По мнению Л.Н. Гумилева, универсальный критерий различия этносов между собой — “стереотип поведения — особый поведенческий язык, который передается по наслед-

ству, но не генетически, а... через механизм сигнальной наследственности, основанной на условном рефлексе, когда потомство путем подражания перенимает от родителей и сверстников поведенческие стереотипы, являющиеся одновременно адаптивными навыками”¹⁴. Отстаивая концепцию этноса как природного коллектива, который должен изучаться методами естественных наук, он, однако, не отрицает его связи с социальным развитием общества. Обращает на себя внимание следующее его высказывание: “...Этнос — явление природы, обнаруживаемое нами через ощущение (отнюдь не сознание или самосознание), облекающееся в формы социальных институтов и определяемое в каждом отдельном случае через те или иные индикаторы: язык, традиции, религии, материальную культуру и т.п.”¹⁵. Вариантов определения этноса у Л.Н. Гумилева довольно много, но их сущность едина. Можно в чем-то с ним и не соглашаться. Важно другое. Если признать, что этнос — явление природы, взаимодействующее с процессом социального развития, можно сделать и обратный вывод: относя народы и нации к социальным явлениям, следует признать, что они взаимодействуют с этносами как с явлениями природы. Более того, они неразрывно связаны с этносами. Здесь уместно провести сравнение с человеком. Человек, с одной стороны, — явление природы, а с другой — социальное существо. Но и то и другое совмещены в одном лице. В какой-то степени то же самое можно сказать и об этносах. В ряде случаев, даже в большинстве, либо нации, либо современные народы совпадают с этносами, оставаясь в то же время в своей плоскости — социальной. Если исходить из того, что этнос — явление природы, становится ясным бессмысленность постановки вопроса о праве этносов на самоопределение. Это приблизительно то же самое, что пытаться провозгласить право человека быть *homo sapiens*.

Ответ на второй вопрос (в каких случаях самоопределение не должно приводить к отделению) можно найти прежде всего в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года и в Декларации о принципах международного права 1970 года.

В Декларации 1960 года сказано: “...Всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, не совместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций...”¹⁶.

Еще более полно эта же мысль отражена в Декларации 1970 года (в той ее части, где раскрывается содержание принципа самоопределения народов): “Ничто в вышеприведенных абзацах не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единст-

ва суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи”¹⁷.

Намного позже почти то же самое было отражено в Венской декларации и Программе действий, принятых Всемирной конференцией по правам человека 25 июня 1993 г. В этом документе после положений, подтверждающих право всех народов на самоопределение и, соответственно, их право предпринимать любые законные действия в соответствии с Уставом ООН для его осуществления, говорится:

“Согласно Декларации о принципах международного права..., вышесказанное не должно истолковываться как разрешение или поощрение любых действий, нарушающих или подрывающих, полностью или частично, территориальную целостность или политическое единство суверенных и независимых государств, которые соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов и в силу этого имеют правительства, представляющие интересы всего народа на их территории без каких-либо различий”¹⁸.

Член Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств А. Эйде в своем исследовании, посвященном меньшинствам, проанализировал содержание принципа самоопределения и пришел к ряду выводов, с которыми можно согласиться, за исключением того, что он смешивает право на самоопределение с правом на отделение. Так, он утверждает, что право на самоопределение имеют народы, проживающие в колониальных территориях, добавляя: «Это касается территорий, находящихся за пределами Европы, в отношении которых был установлен колониальный или аналогичный контроль европейскими государствами или государствами, впоследствии заселенными выходцами из Европы. Попытки использовать понятие колониализма в других ситуациях усложняют данную проблему и их не следует рассматривать в рамках понятия “деколонизация”»¹⁹. Совершенно очевидно, что в данном случае речь идет о самоопределении в виде отделения. Далее он говорит о том, что право на самоопределение принадлежит народам, проживающим на территориях, оккупированных или аннексированных после принятия Устава ООН в 1945 году. Здесь явно имеется в виду не просто право на самоопределение, но право на освобождение, на восстановление своей государственности, то есть право на отделение от захватчиков. Неясно одно: почему не упоминаются народы, территории которых были аннексированы между двумя мировыми войнами? По-видимому, это можно объяснить тем, что соответствующие народы уже восстановили свою государственность и вопрос потерял актуальность. А. Эйде указывает также на то, что право на выход имеют члены фе-

дераций, если в их конституциях это право закреплено. Одновременно он делает важную оговорку: “В таких ситуациях право на самоопределение, основанное на принципе добровольного объединения, применимо только к союзным республикам, а не к более мелким образованиям, которые могли иметь различные режимы автономии при существовавшем ранее порядке”²⁰. Вновь в данном случае право на самоопределение смешивается с правом на отделение. Режимы автономии, о которых говорит А. Эйде, представляют собой форму реализации права на самоопределение, исключая право на отделение, но не отрицание того, что соответствующие народы имеют право на самоопределение.

Он приходит также к следующему заключению: “В остальных случаях вопрос об одностороннем праве на самоопределение является крайне сомнительным. Это право является второстепенным по сравнению с основополагающим принципом территориальной целостности при условии, что государство соблюдает принцип равноправия и самоопределения народов и имеет правительство, в состав которого входят представители всего населения, без каких-либо различий по признаку расы, вероисповедания или цвета кожи. Следует помнить о том, что основа принципа самоопределения заключается в праве населения на участие в управлении государством как образованием. Когда правительство не создает возможностей для участия в этом процессе всех слоев населения и всех народов, то вопрос о праве на самоопределение различных групп населения становится более насущным”²¹. Здесь выражена та же мысль, что и в цитировавшемся выше положении Декларации 1970 года. С учетом сформулированных выше исключений она означает, что во всех остальных случаях вопрос об отделении может быть поставлен только тогда, когда соответствующему народу государство не предоставляет возможности для участия в управлении этим государством, когда государство не соблюдает принцип равноправия и самоопределения народов.

Следует отметить, что А. Эйде допускает возможность мирного добровольного разъединения различных групп населения, проживающих в рамках одного государства, не связывая такое разъединение с правом на самоопределение²². События в Боснии — Герцеговине свидетельствуют о том, что разъединение по этническому и даже религиозному признаку может происходить и в результате вооруженной борьбы, если нет другой возможности прекратить кровопролитие. Однако к праву на самоопределение это отношения не имеет. Вообще сепаратизм с правом на самоопределение прямо не связан. Термин “сепаратизм”, понимаемый как стремление к государственному отделению, не всегда имеет негативное значение. Как мы видели, в определенных случаях сепаратизм выражает вполне правомерное желание реализовать право на самоопределение. Иног-

да, вместе с тем, он представляет собой явление, направленное против территориальной целостности государств, причем нередко в таких ситуациях он облекается в форму борьбы за самоопределение, хотя либо о самоопределении не может быть и речи, либо принцип самоопределения к данным случаям применим, но не должен реализовываться в виде отделения.

В качестве примера неприменимости принципа самоопределения можно сослаться на ситуацию, сложившуюся на Кипре. Провозглашение лидерами турецкой общины Кипра 15 ноября 1983 г. Турецкой Республики Северного Кипра ничего общего с самоопределением не имеет. Во-первых, турецкая община может рассматриваться как турецкое меньшинство. Часть населения, имеющая общие национальные корни с большинством населения другого государства (нацией), как уже говорилось, не вправе претендовать на самоопределение. Она может лишь претендовать на предоставление ему гарантий сохранения ее языка, культуры, самобытности. Во-вторых, турецкая община исторически являлась частью народа Кипра, целостность которого неоднократно подтверждалась ООН. Право на самоопределение относится ко всему народу Кипра. Поэтому провозглашение сепаратного турецкого государства на Кипре противоречит принципу самоопределения народов, не говоря уже о том, что нарушает территориальную целостность Кипра. Совет Безопасности, исходя из этого, прямо заявлял о том, что решение о создании кипрского турецкого государства неправомерно, и призывал его не признавать (резолюции 541 от 18 ноября 1983 г. и 550 от 11 мая 1984 г.)²³.

Сопредельные государства могут столкнуться с ситуацией, когда население, составляющее по своему национальному составу большинство в одном из них, частично проживает на территории другого, причем компактно. Возникающие иногда на этой почве конфликты между ними чаще всего бывают связаны с ущемлением прав той части указанного населения, которая является меньшинством на территории соответствующего государства. Возможны случаи, когда в связи с этим заинтересованные государства, чтобы погасить конфликт, обмениваются частями своих территорий с учетом национального состава их населения. Такое решение проблемы в целом находится в русле принципа самоопределения, хотя и не подразумевает, что национальное меньшинство имеет право на самоопределение.

Примерами ситуаций, когда право на самоопределение, с одной стороны, оспариваться не может, а с другой — не должно в процессе реализации вести к отделению, являются ситуации в Чечне и Абхазии. По-видимому, то же самое относится и к ситуации в Шри-Ланке, где сепаратистское тамильское движение не имеет под собой право-

вых оснований. Следует, однако, учитывать, что конечный результат сепаратистского движения во многом зависит от неправовых факторов, в первую очередь от соотношения сил между противоборствующими сторонами. Стремление какого-либо народа или нации к отделению может увенчаться успехом несмотря на то, что право на самоопределение в данном случае не включает в себя в качестве обязательного элемента право на отделение. Отсутствие такого элемента не означает запрета на стремление к отделению. Но это дает властям заинтересованного государства в отношении международного сообщества право защищать свою территориальную целостность, противодействовать такому стремлению всеми допускаемыми международным правом средствами, то есть с учетом обязательств в области прав человека, Протокола II к Женевским конвенциям 1949 года о защите жертв войны (если ведется вооруженная борьба) и т.д. Если отделение, тем не менее, произошло, значит, реализация права на самоопределение все же состоялась именно в таком виде. Отсутствие права на отделение в качестве **обязательного** элемента права на самоопределение не говорит о полном его отсутствии. Иначе вся упомянутая ситуация просто не укладывалась бы в рамки самоопределения. Скорее право на отделение в таких ситуациях может рассматриваться как факультативный элемент права на самоопределение, реализация которого зависит от согласия, добровольного или вынужденного, государства, от которого отделяются. Вероятно, эта схема в какой-то степени отражает то, что произошло, когда Эритрея отделилась от Эфиопии. Могут указать на то, что согласие метрополий на отделение колоний также было вынужденным, в ряде случаев данным после длительной вооруженной борьбы, но в этих ситуациях право на отделение не было факультативным. В чем же разница? Очевидно, в том, что в первом случае государство **вправе** препятствовать отделению, а во втором — **обязано** согласиться на отделение, если таково будет волеизъявление народа колонии (независимо от фактически занимаемой государством позиции).

Бесспорно, реализация принципа самоопределения народов в современных условиях не должна нарушать территориальной целостности и политического единства государств с учетом перечисленных ранее исключений. Но вряд ли можно говорить, как это делает А. Эйде, что принцип самоопределения в ряде случаев является второстепенным по сравнению с принципом территориальной целостности. Во-первых, основные принципы международного права не должны противопоставляться друг другу; они находятся в балансе друг с другом. Во-вторых, принцип территориальной целостности относится к сфере межгосударственных отношений. Сепаратистское движение, опирается оно или не опирается на принцип самоопределения народов, не нарушает принципа территориальной целостности

как принципа межгосударственных отношений. Это движение созревает **внутри** государства. Только вооруженная поддержка такого движения иностранным государством может рассматриваться как нарушение указанного принципа. Между прочим, неприменимость к такого рода ситуациям принципа территориальной целостности подчеркнул Р.А. Тузмухамедов, анализируя ситуацию в Абхазии. Однако попутно он высказал сомнение по поводу существования принципа территориальной целостности государств, ссылаясь на то, что в Уставе ООН такого принципа нет и лишь в формулировке принципа неприменения силы говорится, в частности, о недопустимости применения силы или угрозы ее применения против территориальной неприкосновенности государств. Далее он обращает внимание на подмену, которую якобы в последние годы совершили государства, ставя на место “территориальной неприкосновенности” “территориальную целостность”. Он усматривает “подмену” в том, что в хельсинкском Заключительном акте 1975 года появился новый принцип — принцип “территориальной целостности”²⁴.

В связи с этим следует отметить некоторое несоответствие между формулировками принципа неприменения силы в русском и английском текстах Устава ООН: в русском тексте действительно говорится о “территориальной неприкосновенности”, но в английском — о “территориальной целостности” (“territorial integrity”). Таким образом, “подмены” терминов не было. Устав ООН не содержит отдельного положения, посвященного принципу территориальной целостности. Необходимо, однако, учитывать, что ряд положений Устава, относящихся к принципам международного права, сформулирован так, что их можно рассматривать и как комбинации двух принципов. Например, принцип равноправия и самоопределения народов можно при желании разделить на два принципа. Некоторые принципы в Уставе закреплены косвенно, например принцип уважения прав человека. Упоминание в п. 4 ст. 2 Устава территориальной целостности государств в рамках формулировки принципа неприменения силы можно расценивать как косвенное закрепление принципа территориальной целостности, который в хельсинкском акте был уже прямо выделен. Учитывая отмеченное выше несоответствие русской и английской формулировок п. 4 ст. 2 Устава, в отечественной доктрине часто говорят о принципе территориальной целостности и неприкосновенности государств. Даже в более ранний период в исследованиях, относящихся к международно-правовым проблемам территории, опубликованных в СССР, подчеркивалось, что одним из основных принципов современного международного права является принцип территориальной целостности и неприкосновенности государств²⁵. Иногда отмечалось, что точное его наименование не установилось²⁶.

В современных условиях очень сложным является вопрос о праве на самоопределение народов, которые в результате исторического развития оказались разделенными между несколькими государствами. Характерным примером являются курды, насчитывающие около 30—35 миллионов. В основном они проживают в примыкающих друг к другу районах Ирака, Ирана, Турции и Сирии. Несмотря на общность языка, культуры и в каком-то смысле территории, они вряд ли могут считаться нацией, так как у них отсутствует общность экономической жизни из-за их проживания на территориях различных государств. Но в целом они, бесспорно, образуют народ, который имеет право на самоопределение. Специфика такого рода ситуаций состоит в том, что, во-первых, реализация этого права не должна затрагивать территориальную целостность соответствующих государств и, во-вторых, неизбежно будет протекать по-разному в каждом из них. Вместе с тем, эти государства, уважая право на самоопределение данного народа в целом, обязаны предоставить определенные правовые гарантии той его части, которая проживает на их территории, например автономию либо эффективную защиту прав в качестве лиц, принадлежащих к меньшинствам, и т.п., хотя сама по себе часть народа права на самоопределение не имеет. Если той или иной части разделенного народа отказывают в возможности принимать участие в управлении государством, на территории которого она проживает, предоставлении надлежащих гарантий сохранения их самобытности и т.д., это можно расценивать как нарушение права на самоопределение всего народа. Последствия могут оказаться самыми тяжелыми и непредсказуемыми, и властям заинтересованного государства трудно будет в такой ситуации сослаться на свою территориальную целостность. Необходимо, однако, помнить: то, что относится к положению, в котором находится “разделенный” народ, не должно механически переноситься на меньшинства вообще, к которым право на самоопределение не применимо. Впрочем, предусмотреть все возможные варианты и особенности осуществления права на самоопределение нереально. Всегда требуется конкретный анализ.

Остается открытым и, по-видимому, не поддающимся детальной правовой регламентации вопрос о том, каким образом государства, которые считают, что проживающий в их пределах народ не может претендовать на самоопределение в виде отделения, должны доказывать, что они, как это предусмотрено в Декларации 1970 года и в Венской декларации, соблюдают принцип равноправия и самоопределения народов, а их правительства представляют весь народ, без различия расы, вероисповедания или цвета кожи. Неясно также, в какой степени “бремя доказывания” лежит на заинтересованном народе. Судя по всему, такие вопросы относятся к области политики.

- ¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 25. — С. 259.
- ² Тузмухамедов Р.В. Национальный суверенитет. — М., 1963. — С. 13—14, 15, 60.
- ³ Права человека. Сборник международных договоров. — Т. I (часть первая). Универсальные договоры. — Н.-Й. и Женева, 1994. — С. 64.
- ⁴ Ежегодник Комиссии международного права. 1980 г. — Т. II, часть 2. — Н.-Й., 1981. — С. 32.
- ⁵ Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на двадцать девятой сессии. — Т. I. 17 сентября — 18 декабря 1974 г., Дополнение № 31 (A/9631). — Н.-Й., 1975. — С. 182.
- ⁶ Akenhuret M. A Modern Introduction to International Law. — L., 1985. — P. 257—258.
- ⁷ Ibid. — P. 254.
- ⁸ Решетов Ю.А. Право на самоопределение и отделение // Московский журнал международного права. — 1994. — № 1. — С. 3—4.
- ⁹ Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на двадцать пятой сессии. 15 сентября — 17 декабря 1970 г., Дополнение № 28 (A/8028). — Н.-Й., 1971. — С. 154.
- ¹⁰ Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. — М., Экспресс, 1993. — С. 228, 331.
- ¹¹ Там же. — С.44.
- ¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т.25. — С. 258.
- ¹³ Сталин И.В. Соч. — Т.2. — С. 297.
- ¹⁴ Гумилев Л.Н. Указ. соч. — С. 301.
- ¹⁵ Там же. — С. 252.
- ¹⁶ Права человека... — С. 64.
- ¹⁷ Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на двадцать пятой сессии... — С. 154.
- ¹⁸ Док. ООН A/Conf.157/23, 12 July 1993. — С. 4.
- ¹⁹ Возможные пути и средства мирного и конструктивного решения проблем, связанных с меньшинствами // Второй доклад о проделанной работе, представленный г-ном Асбьерном Эйде. — Док. ООН E/CN.4/Sib.2/1992/37. — С. 35.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. — С. 36.
- ²³ Резолюции и решения Совета Безопасности за 1983 год. — Н.-Й., 1984. — С. 15. Резолюции и решения Совета Безопасности за 1984 год. — Н.-Й., 1985. — С. 11.
- ²⁴ Абхазия. — 1995. — № 4(82). — С. 9—10.
- ²⁵ Клименко Б.М., Порк А.А. Территория и граница СССР. — М., 1985. — С. 36—37.
- ²⁶ Курс международного права. — М., 1989. — С. 101—102.

Статья поступила в редакцию в июне 1996 г.